

Роль С. И. Танеева в профессиональном музыкальном образовании С. С. Прокофьева

Статья посвящена периоду обучения Сергея Прокофьева в Петербургской консерватории, и значительной роли Сергея Танеева в композиторском становлении Прокофьева. На материале мемуаров и дневников Прокофьева и Танеева рассматриваются идеи Танеева, повлиявшие на молодого композитора.

Ключевые слова: Сергей Прокофьев, Сергей Танеев, педагогика, теория композиции, Петербургская консерватория.

Творческим становлением С. С. Прокофьева в Петербургской консерватории руководили такие выдающиеся музыканты, как А. К. Лядов, Н. А. Римский-Корсаков, А. Н. Есипова, Н. Н. Черепнин, И. И. Витоль; внимательно следил за развитием молодого композитора директор консерватории А. К. Глазунов.

Чрезвычайно важным для Прокофьева оказалось также соприкосновение с кругом московских музыкантов, огромный авторитет среди которых имел профессор Московской консерватории Сергей Иванович Танеев. Прокофьев не был прямым учеником Танеева, но в его творческой биографии великий педагог сыграл весьма значительную роль. Именно благодаря участию Танеева десятилетний Прокофьев сделал решающий шаг от сочинения детских «песенок» к профессиональной композиции.

Встреча двух композиторов — уже состоявшегося и будущего — произошла в январе 1902 года. Подробности этой и последующих встреч мы знаем из «Автобиографии» Прокофьева: «В январе 1902 года мы из Петербурга приехали в Москву, и это пребывание открыло новый этап в моем развитии: я соприкоснулся с профессиональной композиторской средой. В Москве жило семейство Померанцевых, с которым у родителей

были дружеские отношения»¹. По счастливой случайности, в этой семье оказался ученик С. И. Танеева, Юрий Николаевич Померанцев. Проверив музыкальные способности Прокофьева, он отвел его к своему учителю.

С первого визита к знаменитому композитору мальчик полюбил его, прежде всего за внимательное отношение, доброту и искреннюю заботу. В дальнейшие годы, упоминая Танеева в письмах и в «Автобиографии», Прокофьев нередко прибавлял эпитеты «добрый, милый», что, при известной резкости и прямолинейности его характера, обнаруживает особые чувства юноши к старшему наставнику.

На первую встречу юный композитор принес Танееву две свои оперы: «Великан» и «На пустынных островах». Мы не знаем, давал ли Танеев рекомендации по этим сочинениям, но он смог сделать главное — настроить Прокофьева и его мать Марию Григорьевну на серьезные занятия музыкой под руководством педагога-профессионала. Способности мальчика восхитили Сергея Ивановича. В этот день в его дневнике появилась следующая запись:

Обедал (во 2-м часу) Юша². Он привел мальчика 10 лет — Сережу Прокофьева, имеющего выдающиеся способности. Он играл свои сочинения — абсолютный слух, узнает интервалы, аккорды. 2 голоса из баховской кантаты гармонизовал так, что видно, что он ясно представляет себе гармонию. Юша будет ему давать уроки и раз в неделю его ко мне приводить. С ним была его мать — они живут в деревне около Екатеринославля. Собираются переезжать в Москву. Приехали пока на месяц³.

Первыми учителями Прокофьева по теории музыки и композиции стали ученики Сергея Ивановича Танеева. Это Юрий Померанцев, с которым мальчик занимался в Москве, и Рейнгольд Морицевич Глиэр, приехавший к Прокофьевым в Сонцовку два лета — в 1902 и 1903 годах.

Один из советов Танеева Прокофьеву относился к авторской подписи юного композитора и настраивал его на серьезное отношение к своему творчеству. В «Автобиографии» приводится диалог Танеева и Марии Григорьевны Прокофьевой:

— Почему же сочинения Сереженьки Прокофьева? — засмеялся Сергей Иванович, увидя золотые буквы на переплете «Великана».

¹ Прокофьев С. С. Автобиография. М., 1973. С. 93.

² Юрий Николаевич Померанцев.

³ Танеев С. И. Дневники. Кн. 2: 1899–1902 гг. / Ред. Л. З. Корабельникова. М., 1982. С. 300.

— Но ведь он маленький, и, кроме того, тетушка, которая души не чаёт...— оправдывалась мать.

— Сергея, Сергея, ну в крайнем случае Сережи,— сказал Танеев⁴.

Посоветовавшись с отцом, юный Прокофьев впредь стал подписываться «как взрослый»: «Сергей Прокофьев».

Этот эпизод запомнился, видимо, и Сергею Ивановичу. В дневниках Танеева за последующие после этой встречи полгода Сергей Прокофьев упоминается шесть раз и каждый раз с добавлением «маленький» или с указанием на его небольшой возраст. Вот некоторые из упоминаний:

1902 февраль, 3. Воскресенье.

Поехал к Юше сказать, чтобы он написал маленькому Сереже Прокофьеву, что я могу его провести на репетицию⁵.

1902 март, 7. Четверг.

Оттуда к Юше, проэкзаменовал маленького Прокофьева по гармонии⁶.

В дальнейшем Прокофьевы нередко выезжали в Москву и общение Сережи с Сергеем Ивановичем Танеевым продолжалось. Танеев приглашал мальчика домой для знакомства с музыкой, предоставлял ему ноты из своей библиотеки, проводил его на концерты и репетиции, разъяснял подробности партитуры и, конечно, просматривал его сочинения и давал советы.

Встречи с Танеевым, из-за своей нерегулярности, не могли заменить систематического образования, но для юного композитора они имели исключительное значение. В этом можно не сомневаться, потому что взрослый Прокофьев, «собственный биограф» и аналитик своего творчества, описывая события 1902 года, прямо говорит об этом:

В ноябре я показал симфонию Танееву: мы сыграли ее по четырехручному переложению, Танеев скромно исполнял вторую партию. Похвалив за контрапункты, которые в разработке вписал мне Глиэр, Танеев заметил, что больно уж простовата гармония: все больше I, IV и V ступени. И тут же засмеялся. Это меня задело.

---

⁴ Прокофьев С. С. Автобиография. С. 95.

⁵ Танеев С. И. Дневники. Кн. 2. С. 303.

⁶ Там же.

Не то чтобы я разревелся или провел бессонную ночь, но где-то в глубине засела мысль, что гармония простовата. Микроб проник в организм и потребовал длительного инкубационного периода. Лишь через четыре года мои гармонические поиски обратили на себя внимание окружающих, а когда через восемь лет я сыграл Танееву этюды ор. 2, он невольно проговорил: «Что-то уж очень много фальшивых нот...»⁷. Напомнил ему старый разговор, и С.И., не без юмора взявшись за голову, воскликнул: «Неужто это я толкнул вас на такую скользкую дорогу!»⁸.

Как ни странно выглядит заявление, что Танеев причастен к созданию острых прокофьевских диссонансов, но, как мы видим, в какой-то степени это действительно так. Мысль о необходимости обогащения гармонии на самом деле высказал Танеев, а Прокофьев осмыслил ее в неожиданном для учителя ракурсе, начав активные поиски нового гармонического языка.

Весьма продуктивно Прокофьев воспринял и другую идею Танеева, поданную им в 1910 году. В «Автобиографии» Прокофьев рассказывает, как спросил у Танеева совета, что из Баха ему сыграть на экзамене в консерватории:

А знаете что, — ответил Сергей Иванович, — Баха-то всегда играют. Вы же сыграйте кого-нибудь постарше, например Букстехуде, которого Бах бегал слушать в соседний город, когда сам был юношей. Для иных эта музыка окажется новостью, даже в Петербургской консерватории⁹.

Именно новизна старинного произведения, подчеркнутая Танеевым, убедила юного Прокофьева, который всегда стремился к оригинальности.

К сожалению, до сих пор ноты прокофьевского переложения Органной фуги ля минор Д. Букстехуде не обнаружены, мы знаем о нем только по «Автобиографии». Зато более позднее переложение музыки Букстехуде, выполненное Прокофьевым, издавалось несколько раз, начиная с 1923 года. Это фортепианное переложение Органной прелюдии и фуги ре минор, сделанное на несколько лет позже.

⁷ В «Дневнике» этот вопрос записан так: «И откуда это у вас, Сергей Сергеевич, явилось такое стремление к диссонансам?!» (*Прокофьев С. С. Дневник: 1907–1933: [в 2-х ч.]. Ч. 1: 1907–1918. Париж, 2002. С. 173).*

⁸ *Прокофьев С. С. Автобиография. С. 124.* В «Дневнике» реплика Танеева передана несколько мягче: «Вот как! Я и не знал, что это я толкнул вас на этот путь!...» (*Прокофьев С. С. Дневник. Ч. 1. С. 173).*

⁹ Там же. С. 491.

Интересный экземпляр прокофьевского переложения Органной прелюдии и фуги ре минор Букстехуде находится в научно-исследовательском отделе рукописей Научной музыкальной библиотеки Петербургской консерватории. Это издание Гутхейля 1923 года, напечатанное в Германии, с автографом Прокофьева — дарственной надписью Н. Н. Позняковской, известной пианистке, выпускнице класса А. Н. Есиповой 1913 года, впоследствии профессору консерватории: «Наталье Николаевне Позняковской от автора. 1924» (Ил. 1)¹⁰.

Переложение было сделано в 1918 году, во время зарубежных гастролей Прокофьева. Как и в годы учебы, Прокофьеву понадобилось классическое, но «незаигранное» произведение, и он вторично воспользовался советом Танеева: «Тогда я просто вспомнил автора, рекомендованного Танеевым и о котором у меня осталось приятное воспоминание», — пояснял Прокофьев в «Автобиографии»¹¹. Так зерна, брошенные Танеевым, прорастали в творчестве Прокофьева.

Из дневника Прокофьева известно и о других встречах с Танеевым, произошедших после окончания Прокофьевым курса теории композиции. Пятого февраля 1910 года Танеев познакомил Прокофьева с Николаем Карловичем Метнером. В этот день Метнер давал фортепианный концерт в Петербурге, после которого Танеев провел Сергея за кулисы.

Танеев приехал в Петербург на исполнение своего Трио (концерт состоялся 9 февраля 1910 года), в котором сам играл партию фортепиано. Прокофьев фиксирует в дневнике: «Встретил Танеева, который приехал играть свое Трио. Со мной на редкость мил, заставил переворачивать ему страницы во время Трио и много спрашивал о моей поездке в Москву. И познакомил с Метнером»¹².

С помощью Танеева Прокофьев осуществил еще одно важное музыкальное знакомство. В 1910 году юный композитор переживал увлечение музыкой А. Н. Скрябина, особенно его «Божественной поэмой». Прокофьев сделал двухручное фортепианное переложение первой части поэмы и мечтал показать его автору. Танеев дал Прокофьеву рекомендательное письмо. Знакомство со Скрябиным состоялось, хотя показать свое переложение Прокофьеву не удалось¹³.

---

¹⁰ НИОР СПбГК. Ед. хр. 7378. Напомним: в 1924 году Прокофьев жил в Париже. На обложке, кроме автографа Прокофьева, есть печать: «Из книг и нот Н. и Р. ГРУБЕР № [4952] » (номер вписан карандашом) — свидетельствующая о том, что экземпляр находился какое-то время во владении известного музыковеда Романа Ильича Грубера.

¹¹ Прокофьев С. С. Автобиография. С. 491.

¹² Прокофьев С. С. Дневник: 1907–1933. Ч. 1. С. 114–115.

¹³ См.: Там же. С. 114–117.

Ил. 1. Органная прелюдия и fuga ре минор Букстехуде в переложении Прокофьева с дарственной надписью Наталье Николаевне Позняковской. Научно-исследовательский отдел рукописей Научной музыкальной библиотеки СПбГК.

В феврале 1910 Прокофьеву посчастливилось находиться в обществе Танеева всю дорогу от Петербурга до Москвы. К 1909/1910 учебному году Прокофьев уже закончил консерваторию как композитор и учился в классе фортепиано у Анны Николаевны Есиповой. Он приобрел известность как молодой композитор «левого» направления и как пианист, исполнитель своих сочинений. В Москву он отправился 9 февраля¹⁴ по приглашению М. А. Дейша-Сионицкой для выступления на «13-й музыкальной выставке». В тот же день в Москву, после упомянутого выше концерта, возвращался Танеев. В дневнике Прокофьев рассказывает:

Случилось так, что я ехал в Москву в одном поезде с С. И. Танеевым. И скандал: я ехал во втором классе, а он в третьем. Было очень стыдно. Я, положим, все время сидел у него и он был так любезен, что удерживал меня до половины первого. И нельзя себе представить, сколько полезных сведений он мне дал за эти пять часов. Под конец он сам увлекся и прочел мне целую лекцию по теории композиции и о регистровке, и о рисунке музыкальном, и о приеме писать вариации, словом, в несколько часов дал мне в десять раз больше, чем Витоль и Лядов в полтора года¹⁵. Вот у кого бы учиться!¹⁶

За время пребывания в Москве Прокофьев два раза был в гостях у Танеева и показывал ему свои произведения, в том числе Сонату f-moll и Этюды ор. 2, которые предстояло играть в концерте: «В Москве я успел побывать у него еще два раза. Соната и „Лебедь“¹⁷ понравились весьма, Этюды меньше, к Симфоньете он отнесся довольно холодно. И опять дал кучу полезных сведений по теории композиции». Концерт состоялся 21 февраля 1910 года. Прокофьев впервые представил широкой публике Сонату и три этюда из ор. 2: Первый, Второй и Четвертый. Танеев присутствовал на концерте и удостоил Прокофьева похвалы.

Энтузиазм Прокофьева по поводу Танеева особенно примечателен на фоне того, что отношения Прокофьева с профессорами Петербург-

---

¹⁴ См.: Там же. С. 115.

¹⁵ Прокофьев учился у А. К. Лядова четыре года (по классам сольфеджио, гармонии, контрапункта, фуги), у И. И. Витоля — один год (по классу форм). Об обучении Прокофьева у Лядова см.: *Ахонен А. Н. Сергей Прокофьев в классе А. К. Лядова // Незнакомый А. К. Лядов: Сб. ст. / Ред.-сост. Т. А. Зайцева. Челябинск, 2009. С. 278–291. О преподавании И. И. Витолем курса форм см.: Бобылев Л. Б. История и принципы композиторского образования в первых русских консерваториях (1862–1917). М., 1992. С. 133–134.*

¹⁶ *Прокофьев С. С. Дневник: 1907–1933. Ч. 1. С. 115.*

¹⁷ Юношеский хор Сергея Прокофьева «Белый лебедь» на слова К. Бальмонта.

ской консерватории, в том числе Лядовым и Витолем, никак не складывались. В 1918 году Прокофьев рассказывал в интервью американской газете: «У меня были постоянные столкновения с моими профессорами в консерватории, поскольку я никогда не хотел что-либо делать только потому, что этого требуют правила»¹⁸. Однако именно усвоение правил академической школы способствовало становлению яркой и многогранной творческой личности Прокофьева. Исследователь прокофьевского стиля М. Е. Тараканов писал:

Одним из неоспоримых свидетельств органичности творчества Прокофьева в период утверждения его как самобытного художника стала связь его завоеваний с традицией, в частности — со школой, где он почерпнул основы композиторского профессионализма¹⁹.

Несомненную роль в становлении прокофьевского профессионализма сыграл Сергей Иванович Танеев.

В 1915 году Танеева не стало. Июньская запись Прокофьева в дневнике полна благодарности к его «неформальному» учителю:

Скончался милый, славный Сергей Иванович Танеев. Давно ли мы гуляли, пели один другому темы, а другой должен был узнавать, откуда эта тема. Он меня донимал «Русланом», которого я не так хорошо знал, а я его симфониями Глазунова. Сергей Иванович был первый человек, который толкнул меня на серьезные занятия музыкой и заставил меня брать уроки сначала у Померанцева, потом у Глиэра. Он все время называл меня «Сереженькой». И только, кажется, последний год Сергей Сергеевич²⁰.

Теплое благодарное чувство к музыканту и человеку, принимавшему участие в творческом становлении молодого композитора в течение тринадцати лет со времени их знакомства и до смерти Танеева, Прокофьев сохранил на всю жизнь²¹.

¹⁸ С. С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. М., 1956. С. 206–207.

¹⁹ Тараканов М. Е. Прокофьев: многообразие художественного сознания // Русская музыка и XX век. Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века / Ред.-сост. М. Г. Арановский. М., 1997. С. 186.

²⁰ Прокофьев С. С. Дневник: 1907–1933. Ч. 1. С. 566.

²¹ 18 июня 1940 года в Клину состоялось торжественное заседание, посвященное 25-летию со дня смерти Танеева. С. С. Прокофьев выступил с воспоминаниями о встречах с С. И. Танеевым.

Литература

1. *Ахонен А. Н.* Сергей Прокофьев в классе А. К. Лядова // *Непознанный А. К. Лядов*: Сб. ст. / Ред.-сост. Т. А. Зайцева. Челябинск: Издательство МРІ, 2009. С. 278–291.
2. *Бобылев Л. Б.* История и принципы композиторского образования в первых русских консерваториях (1862–1917). М.: Московская консерватория, 1992. 164 с.
3. *Прокофьев С. С.* Автобиография. М.: Советский композитор, 1973. 704 с.
4. *Прокофьев С. С.* Дневник: 1907–1933: [в 2-х ч.]. Ч. 1: 1907–1918. Paris: sprkfv, 2002. 813 с.
5. *Глиэр Р.* Воспоминания о С. С. Прокофьеве // *С. С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания*. М.: Гос. муз. изд-во, 1956. С. 189–208.
6. *Танеев С. И.* Дневники. Кн. 2: 1899–1902 гг. / Ред. Л. З. Корабельникова. М.: Музыка, 1982. 429 с.
7. *Тараканов М. Е.* Прокофьев: многообразие художественного сознания // *Русская музыка и XX век. Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века* / Ред.-сост. М. Г. Арановский. М.: Государственный институт искусствознания, 1997. С. 185–211.